

РЕЦЕНЗИИ

ЭО, 2011 г., № 5

© С.А. Арутюнов. Рец. на: *И.А. Морозов. Феномен куклы в традиционной и современной культуре*. М.: Индрик, 2011. 352 с.

Книга в целом производит почти ошеломляющее впечатление. В относительно небольшой объем уложен огромный и многогранный материал, разобраны самые разнообразные аспекты исследуемого феномена. Книга заявлена как кросскультурное исследование. Действительно, в ней использованы факты из жизни японцев, американских индейцев, африканцев, народов Сибири и др., но все же процентов на восемьдесят она базируется на данных из быта русского народа, в том числе и из обширных собственных наблюдений автора. С другой стороны, нужно отметить, что в круг источников данного труда вошло очень большое число отснятых в разных странах мира кинофильмов, в которых главными героями или их партнерами выступают куклы и куклоподобные персонажи в самых разных ипостасях. В нашей научной практике такое встречается нечасто и весьма повышает познавательную ценность исследования.

Помимо введения и заключения, в книге пять глав, подразделяющихся на разделы и параграфы. Последние невелики, в среднем по девять–десять страниц, что существенно облегчает чтение книги, плотно загруженной фактическим материалом. Главы следующие: Кукла с точки зрения социальной антропологии и психологии, Мифологические контексты, Обрядовые контексты, Игровые контексты, Феномен куклы и проблемы философской антропологии.

Куклы бывают для детей и для взрослых, в зависимости от этого они могут быть бесполоыми, андрогинными, гендерно маркированными или даже подчеркнуто сексуально означенными. Куклы или куклоподобные предметы фигурируют в мифах творения, в мифах о культурных героях (вторая глава) и в основанной как на этих мифах, так и на иных представлениях обрядности (третья глава). Особые параграфы в последней посвящены использованию кукол в обрядах перехода, в календарной обрядности, в окказиональной обрядности. Игровые контексты включают разные народные приемы изготовления кукол, формы детских игровых практик, сооружение детских домиков и городов, место кукол и чучел в молодежных шуточных развлечениях, а также детские кукольные имитации взрослых обрядов перехода. В книге нет специального раздела, посвященного использованию кукол в приворотной и вредоносной магии, но немало говорится о ренессансе вуду-подобной кукольно-чувельной магии в современной политико-демонстрационной жизни (с. 296–299). Любопытно, что наряду с вредоносными действиями (калечение, втыкание булавок) засвидетельствована и благотворящая, защитная магия, состоящая в вытаскивании изначально заложенных булавок.

Основной пафос книги – это показ роли куклы как медиатора между (формирующейся) личностью ребенка и окружающим его макрокосмом, с одной стороны, и его перманентно строящимся собственным микрокосмом, с другой. Естественно, по мере взросления роль эта падает и сходит почти на нет, но все же не полностью, ибо в каждом взрослом всегда остается частица детства, хотя бы и в виде того или иного уровня инфантильности.

Читая книгу, невольно приходишь к мысли, что кукла как таковая при этом может замещаться иным изображением – идиолом или фетишем, иконой, значком с портретом Ким Ир Сена, фотографией Дзержинского или бюстиком Ленина, но все они продолжают служить стремлению к экстерниоризации части своего я, к переносу ее во внешний мир, к переносу личной ответственности на икону или фетиш, т.е. стремлению в сущности своей сугубо инфантильному. Сдается, что колы скоро имеет место религиозный запрет на изображения человека в иудаизме и исламе, культурах подчеркнуто маскулинных, то запрет этот отчасти связан с желанием элиминировать инфантильные и эффемированные компоненты личности. К этому хочется добавить, что, напротив, в дальневосточных культурах, более чем толерантных к этим компонентам, процветает и многоаспектная культура кукол, и разнообразная ритуальная скульптура и иконография, в том числе и имеющая явный уклон именно в эффемированную сторону. Сюда

Сергей Александрович Арутюнов – д. и. н., проф., чл.-корр. РАН, заведующий отделом Кавказа Института этнологии и антропологии РАН; gusaba@iea.ras.ru

же относится и культово популярный жанр аниме, которому тоже уделено в книге определенное внимание.

Как специфически японский аспект использования куклы можно было бы упомянуть также и помещение в коридоре офиса куклы, изображающей начальника. Тут же подвешена дубинка, которой обиженный на начальника подчиненный может при желании вволю отлупить обидчика. А когда я с моим южнокорейским аспирантом посетил исторический музей в Сеуле, где ряд эпизодов из истории Кореи представлен в виде групп отлично сделанных манекенов, то аспирант не удержался и вlepил манекену, изображавшему японского солдата-караульного, увесистую оплеуху.

Из книги явствует, что мальчики редко играют с куклами. Те, кто играет, видимо, суть существенно эффемированные мальчики (с. 292). Но в книге почти не говорится о том, что тогда как девочки создают себе свой особый кукольный мир, мальчики сплошь да рядом создают себе свой, не менее всеобъемлющий мир – мир оловянных солдатиков. Мир кукол помогает девочкам прежде всего готовить себя к роли материнства. Мир солдатиков помогает мальчикам готовить себя к роли военного. Неважно, что обе роли могут и не реализоваться. Подготовка к ним осуществляется инстинктивно. А если потребности в ней у ребенка нет, значит, и зачатки соответствующих ролевых инстинктов мало сформированы.

И.А. Морозов сообщает о довольно плоском эксперименте Министерства образования Израиля, с попыткой навязать девочкам «мужские» игрушки, типа конструкторов, а мальчиков, наоборот, заставить играть с игрушечной кухонной утварью. Он обоснованно предупреждает, что мальчики могут превратить кастрюльки и сковородки в БТРы и вездеходы. Добавлю: а девочки из деталей конструктора будут мастерить колыбельки и детские коляски (с. 291–292). Современная глобализованная цивилизация везде, а в Израиле с его перманентным состоянием войны тем более, уже зашла весьма далеко по пути повсеместного формирования тотального унисекса и безгендерности. Но хочется надеяться, что дети, с Божьей помощью и с помощью кукол, до этого не допустят.

Есть ли у кукол будущее? Автор считает, что есть, несмотря ни на что. Я в этом не столь убежден. Не исключено, что когда-нибудь, так же как книга, может уступить место носителям электронной информации, так и игры с куклами, да и с солдатиками, будут полностью вытеснены компьютерными играми, которые могут быть и коллективными. Но на вопрос о будущем кукол, как и книг, может ответить лишь само будущее.

Куклы или нечто вроде кукол известны со времен верхнего палеолита. В нижнем палеолите, на еще преапиентной стадии развития человека, их, видимо, не было. Может быть, когда-нибудь, на некоей новой стадии эволюции, их вновь не будет. Однако есть некоторое опасение, что эта новая стадия может оказаться уже постапиентной.

ЭО, 2011 г., № 5

© С.С. Савоскул. Рец. на: *З.П. Соколова. Ханты и манси: взгляд из XXI в.* М.: Наука, 2009. 756 с.

Автор рецензируемой работы – Зоя Петровна Соколова – один из наиболее авторитетных, известных и творческих представителей отечественной этнологии, работающих в нашем научном цехе уже более полувека. Ее научный путь отличается удивительной цельностью и последовательностью. Приступив еще в середине 1950-х годов к изучению одного из элементов традиционной культуры обских угров (жилища), она остается верна этнографии хантов и манси, последовательно расширяя и углубляя тематику своих исследований. З.П. Соколовой проделан огромный труд по культурно-историческому изучению этих народов, обобщенный ею в недавно изданном томе серии «Народы и культуры» – «Народы Западной Сибири» (Народы 2005). Однако из-за ограниченного объема этого издания Зоя Петровна, естественно, не исчерпала в нем своего научного потенциала в этой области сибиреведения. Рецензируемая книга является попыткой решить эту задачу и создать первый комплексный обобщающий труд по этнографии хантов и манси на новом уровне научных знаний.

Сергей Сергеевич Савоскул – д. и. н., ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: salotop@yandex.ru